

DOI 10.15826/qr.2017.2.236

УДК 821.161.1–311.7+81'255.2

«УЧИЛИЩЕ ЛЮБВИ» ПАНКРАТИЯ СУМАРОКОВА КАК ПРОСТРАНСТВО ВСТРЕЧИ РОССИИ И ЕВРОПЫ*

Наталья Дворцова

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

PANKRATY SUMAROKOV'S *UCHILISHCHE LYUBVI* (*SCHOOL OF LOVE*) AS A MEETING PLACE FOR RUSSIA AND EUROPE

Natalya Dvortsova

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

The author reconstructs the literary and historical context of the first printed Siberian translation, Pankraty Sumarokov's *Uchilishche lyubvi* (*School of Love*) (1789), in order to reveal its place and status in Russian prose of the late 18th century. The article polemicalises against traditional interpretations of the book (V. Pavlov, V. Rak, and others). This article is the first attempt to consider the novel within the framework of contextual and structural-typological analysis against the background of the peculiarities and functions of translated literature. The author shows that both original and translated Russian texts existing in 'the force field' of the European novel (P. Tallemant, S. Richardson, J.-J. Rousseau, J. G. B. Pfeil, L.-S. Mercier) tend to distance themselves from it. This is revealed in a variety of ways, ranging from liberal translations and intertextual re-interpretations to creative polemics and rejection. However, this does not deprive them of characteristic features like the uniformity of genre poetics (the system of motifs, typology of the characters, literary space, and plot structure). The meeting place of European and Russian cultural traditions

* Citation: Dvortsova, N. (2017). Pankraty Sumarokov's *Uchilishche lyubvi* (*School of Love*) as a Meeting Place for Russia and Europe. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 2, p. 453–468. DOI 10.15826/qr.2017.2.236.

Цитирование: Dvortsova N. Pankraty Sumarokov's *Uchilishche lyubvi* (*School of Love*) as a Meeting Place for Russia and Europe // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 453–468. DOI 10.15826/qr.2017.2.236 / Дворцова Н. «Училище любви» Панкратия Сумарокова как пространство встречи России и Европы // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 2. С. 453–468. DOI 10.15826/qr.2017.2.236.

in *School of Love* is treated on the level of micropoetics: geographic images (England, France, and Spain), the plot of Circe and Odysseus, the biographical context of Sumarokov's creative work, etc. Additionally, *School of Love* is analysed in the context of Sumarokov's poetic works resulting from his reading experience of French literature (La Fontaine, Voltaire). The article characterises *School of Love* as a quaint phenomenon of the Russian literature of the late 18th century: an 'English novel' which is a Russian translation of a French version of a German story. Simultaneously, it is a case study of P. Sumarokov's individual creative strategy as shaped in the *Irtysh, prevrashchayushchiysya v Ipkrenu*, with the underlying idea of interaction between the Russian and European traditions, the meeting of 'friend' and 'foe'. The article is based on unique texts of 18th-century Russian literature kept in the Library of the Russian Academy of Science (St Petersburg).

Keywords: P. Sumarokov; translated literature of 18th century; late 18th-century Russian prose; genre poetics.

Реконструируется историко-литературный контекст первой переводной печатной сибирской книги «Училище любви» Панкратия Сумарокова (1789) с целью выявления ее места и статуса в русской прозе конца XVIII в. Статья полемична по отношению к традиционным интерпретациям книги (В. Павлов, В. Рак и др.). Произведение впервые рассматривается на фоне особенностей и функций переводной литературы и «высокой линии развития русского романа» XVIII в. Оригинальные и переводные русские тексты, существуя в силовом поле европейского романа (П. Тальман, С. Ричардсон, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Б. Пфейль, Л.-С. Мерсье), стремятся от него дистанцироваться, что проявляется в различных формах: от вольного перевода, интертекстуального переосмысления до творческой полемики и отталкивания. Это не мешает характерному для них единству жанровой поэтики (система мотивов, типология героев, художественное пространство, композиция сюжета). Встреча европейской и русской культурных традиций в «Училище любви» рассматривается на уровне микропоэтики – географических образов (Англия, Франция, Испания), сюжета Цирцеи и Одиссея, биографического контекста творчества П. Сумарокова и др. Учитываются стихотворные произведения П. Сумарокова, возникшие из его опыта освоения французской литературы (Лафонтен, Вольтер) и свидетельствующие о свободном обращении поэта с источниками. «Училище любви» показано в статье как причудливое явление русской литературы конца XVIII в. – «англинская повесть», представляющая собой русский перевод с французского повести немецкой, и вместе с тем как частный случай творческой стратегии П. Сумарокова, сформировавшейся в журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», в основе которой – идея взаимодействия русской и европейской традиций, встречи «своего» и «чужого». Статья создана на основе уникальных текстов русской литературы XVIII в., хранящихся в Библиотеке Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Ключевые слова: П. Сумароков; переводная литература XVIII в.; русская проза конца XVIII в.; жанровая поэтика.

Историографические заметки

История «Училища любви» Панкратия Сумарокова¹ начинается с Указа Тобольского наместнического правления № 6476 от 5 апреля 1789 г., ставшего первым оттиском сибирского печатного станка [Дмитриев-Мамонов, с. 3]. Указ был разослан во все присутственные места наместничества и извещал о том, что тобольский купец 1-й гильдии и «бумажной фабрики фабрикант» В. Корнильев «своим коштом» завел типографию для печатания книг «на российском диалекте гражданскими литерерами, а впредь стараться будет и на разных иностранных» [Там же]. Кроме того, указ содержал разрешение купцу Корнильеву «выпустить в публику» «переведенную с французского языка английскую повесть под заглавием “Училище любви”». Из этого документа ясно, что первыми читателями книги стали цензоры:

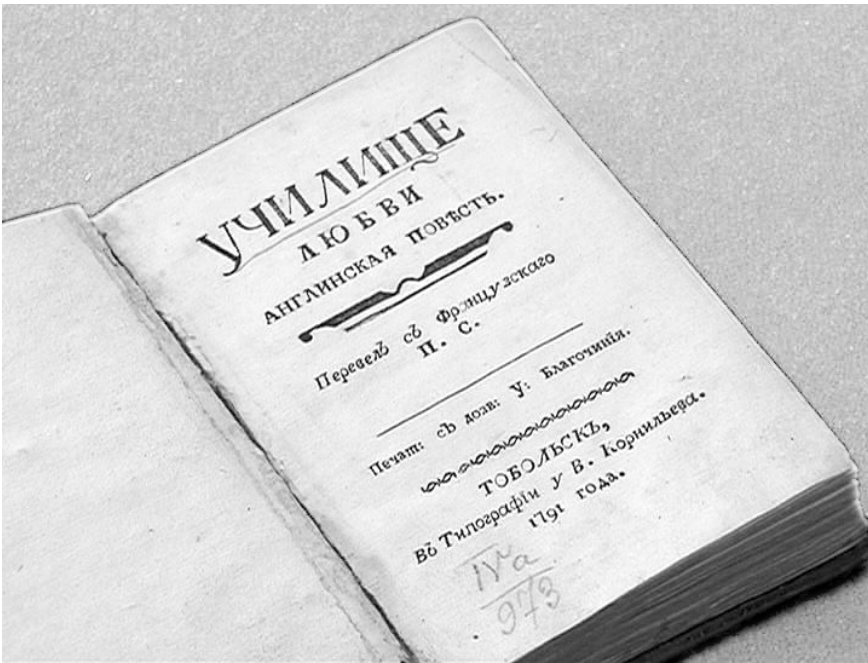
...Оная повесть через сношение от управы благочиния с духовною консисториею и по приказанию его преосвященства присутствующим духовной консистории отцом архимандритом и ректором Геннадием свидетельствована, но никакого в ней до Божества противоречия не оказалось; также и оною управою разсматривана, но ничего же в противность относящегося государственным узаконениям не найдено [Там же].

Некоторые расхождения в датировке выхода повести, существующие в истории ее изучения, не выходят за рамки 1791 г. [Мамеев, с. 16; Дмитриев-Мамонов, с. 4–5; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800, т. 6, с. 7, 90; Очерки истории, т. 1, с. 31]. В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800» приводятся сведения о двух изданиях «Училища любви» – 1790 и 1791 г. Эта точка зрения представлена в целом ряде последующих изданий [Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги, т. 1, с. 12]².

Признавая важную роль «Училища любви» в становлении сибирской печатной книги, современные исследователи невысоко оценивают художественные достоинства «англинской повести». Так, В. Павлов, автор «Повести о Панкратии Сумарокове», пишет об «Училище любви»: «Повесть – дитя своего времени. Дитя неудачное, с изъянами. ...Риторика и слезливость, надуманные ситуации, сентиментализм с “обрывками” классицизма, маловыразительный язык хранит

¹ Панкратий Платонович Сумароков (1765–1814) – писатель, основатель сибирской журналистики, внучатый племянник знаменитого русского писателя А. П. Сумарокова. В 1787 г. по обвинению в подделке ассигнаций был сослан на 20 лет в Тобольск, где развернулась его литературная деятельность.

² Вопрос о том, сколько раз и когда издавалось «Училище любви», остается открытым и нуждается в дополнительном изучении. Издание 1791 г., напечатанное на 142 страницах в 8-ю долю листа, известное на сегодняшний день в одном экземпляре, находится в БАН (Санкт-Петербург) и имеет статус библиографической редкости.

Издание повести П. Сумарокова «Училище любви». Титульный лист

Edition of P. Sumarokov's short story *The School of Love*. Front page

в себе эта маленькая в сто сорок две страницы книжица» [Павлов]. Весьма критичен в оценке «редкого сибирского издания» В. Рак, много сделавший для изучения немецкого и французского источников «Училища любви»: «Если книжечка выпускалась, как можно полагать, для того, чтобы приохотить к чтению малообразованных косных сибирских чиновников и купцов, то выбор был сделан удачно: она отвечала неразвитым, примитивным интересам и вкусам, приобщая в то же время к “настоящей” изящной словесности» [Рак, с. 470–471]. В «Истории литературы Урала. Конец XIV – XVIII в.» (автор статьи О. В. Зырянов), к сожалению, почти дословно повторяется оценка, данная В. Раком «Училищу любви»: «Популярность этой повести в провинции может быть объяснена относительной примитивностью сюжета и мелодраматичностью интриги, что роднило ее с произведениями низовой литературы. Однако, делая ставку на неразвитые литературные вкусы и интересы провинциального читателя, Сумароков в то же время приобщал его к настоящей “изящной словесности”» [История литературы Урала, с. 450]. Позиции исследователей объединяют не только негативизм оценок, противоречивость суждений, но и отсутствие аргументов. За два с лишним века существования «Училища любви» в истории русской книги и русской литературы не появилось ее системного, имманентного и контекстного анализа.

С нашей точки зрения, место П. Сумарокова в русской литературе сегодня достаточно однобоко определяется только его художественными открытиями в поэзии – «разработкой крупной жанровой разновидности стихотворной сказки, эпиграмматическим форматворчеством, опытом реформирования одического канона» [История литературы Урала, с. 461]. Сам этот факт вполне объясним тем, что XVIII в. вошел в историю русской литературы как век поэзии, когда проза занимает маргинальное положение, в полном смысле существует «на краю» литературного процесса, что, как отмечает В. Топоров, продлилось до 1790-х гг. «На рубеже 90-х годов XVIII и начала XIX века... русская художественная проза обновилась в самих своих основаниях», – пишет он, отмечая при этом, что точкой отсчета в этом процессе стала «Бедная Лиза» Н. Карамзина [Топоров, с. 42]. «Училище любви» принадлежит времени рубежа 1790-х гг., границы «старой» (XVIII в.) и новой русской прозы.

Литературный контекст

В судьбе П. Сумарокова 1789 г., когда тобольские цензоры читали «Училище любви», был особенным. В этом году ему исполнилось 24 года, два из которых он провел в сибирской ссылке. В этом году он женился на С. Казабе, с которой прожил всю жизнь. В сентябре этого года был напечатан первый выпуск литературного журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» (первого в Сибири), редактором и душой которого, по всеобщему признанию, он был.

В этом же году выйдет в свет роман П. Львова «Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки», ставший своего рода откликом на появление двумя годами ранее, в 1787 г., русского перевода романа С. Ричардсона «Памела, или Вознагражденная добродетель» (1740). Н. Эмин в 1789 г. опубликует эпистолярный роман «Игра судьбы», обращенный к читателям «Юлии, или Новой Элоизы» Ж.-Ж. Руссо (1761), написанного, как известно, под влиянием С. Ричардсона. И только Н. Карамзин, с которым П. Сумароков был знаком со времени службы в лейб-гвардии Преображенском полку (1781–1782), в 1789 г. печатает небольшое прозаическое произведение «Евгений и Юлия» с подзаголовком «Русская истинная повесть». «Англинская повесть» «Училище любви», таким образом, органично вписывается в контекст русской прозы конца XVIII в., существующей в силовом поле западноевропейского романа и вместе с тем стремящейся от него дистанцироваться. С произведениями Н. Эмина, П. Львова и Н. Карамзина, представляющими «высокую линию развития русского романа XVIII в.» [Топоров, с. 42], «Училище любви» объединяет не только и не столько год рождения (1789), сколько так называемый «любовный комплекс» – система мотивов и мотивных ситуаций: «зарождение

любви, ее апогей, угасание любви, расставание, измена, преждевременная смерть, раскаяние и т. п.» [Топоров, с. 39].

Отметим, что если П. Сумарокову в 1789 г. было 24 года, то автору «Российской Памелы» – всего лишь 19, Н. Эмину – 22, Н. Карамзину – 23 года. Все они, в сущности, принадлежат к одному литературному поколению, и их поиски собственной писательской идентичности являются выражением тех процессов, которые характеризуют русскую литературу конца XVIII в. и которые связаны с ролью переводной книги в становлении отечественной литературы, и романа в частности. В фундаментальной «Истории русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век» эта ситуация характеризуется следующим образом: «Переводная литература до самого конца века оказывается неотъемлемой частью отечественной словесности и языковой культуры. Эта литература деятельно участвует в процессе выработки “нового слога”, противоборствуя тенденции к архаизации языка, и одновременно несет новые идеи, созвучные тем, которые волнуют в это время русскую интеллигенцию» [История русской переводной художественной литературы, т. 1, с. 228].

Специфическим признаком культуры XVIII в. в России считал наличие большого количества переводных произведений Д. Лихачев. Для обозначения ситуации, когда «не только тексты, но целые культурные пласты пересаживались на русскую почву и здесь начинали новый цикл развития в условиях новой исторической действительности», он, как известно, ввел особое понятие литературной трансплантации [Лихачев, с. 15–23]. Механизмам изменения культурных функций европейского романа на русской почве посвящена статья Ю. Лотмана [Лотман, с. 168–175].

О значимости переводной книги в XVIII в. свидетельствует, в частности, тот факт, что 1768 г. в России возникло «Общество, старающееся о переводе иностранных книг», за годы существования которого были изданы книги 120 наименований, преимущественно в переводе с французского языка [История книги, с. 168]. В 1773 г. Н. Новиковым было создано «Общество, старающееся о печатании книг», две трети изданных им литературно-художественных произведений были переводными [История русской переводной художественной литературы, т. 1, с. 154], включая Свифта, Гольдони и первый прозаический перевод Гомера [Немировский, с. 539].

Большинство переводов произведений, особенно в журнальных публикациях, были анонимными, а имя (чаще инициалы) переводчика нередко указывалось после посвящения издания важному лицу, имя которого было важнее имени переводчика, что, в частности, мы наблюдаем в случае с «Училищем любви» [Там же, с. 218–219].

Традиция связывать начало литературной деятельности с переводами как своеобразной школой писательского мастерства была широко распространена в XVIII в. Так начинали В. Тредиаковский («Езда в остров Любви», 1730), А. Радищев («Размышления о грече-

ской истории, или О причинах благоденствия и несчастья греков; сочинение г. аббата де Мабли», 1773), Д. Фонвизин (переводы Вольтера, Руссо и др.), Н. Карамзин («Эмилия Галотти» Лессинга). Не менее важную роль сыграли переводы и в творчестве Панкратия Сумарокова.

Важно подчеркнуть, что в прозе XVIII в. «трудно, а порой и невозможно разграничить роман и повесть, повесть и анекдот [История русской переводной художественной литературы, т. 1, с. 229]. Значим также тот факт, что маргинальность положения прозы в литературе XVIII в. никак не отражалась на ее популярности и востребованности у читателя.

Бытование романа века Просвещения, как известно, существенным образом определяется противостоянием и взаимодействием двух культурных мифов: библиофилического, с которым связаны апология книги и чтения, а также феномен «читающего» романного героя, и мифа о романе-развратителе, во многом спровоцированного запретом на печатание романов во Франции в 1730-е гг. и трансплантированного в Россию [Кочеткова, с. 156–189; Приказчикова, с. 74–86; Разумовская, с. 3–37, 125–135]. «Запрет на роман», основанный на обвинении его в аморальности и антиэстетизме как во Франции, так и в России, не мог помешать его развитию. К 1792 г., когда появилась «Бедная Лиза», было опубликовано около 1400 романов, повестей, рассказов [Топоров, с. 40], за последние 40 лет XVIII в. вышло в свет 800 романов [История русской переводной художественной литературы, т. 1, с. 178].

Исследователи не раз отмечали, что на протяжении XVIII в. «роман пользовался у читателей все возрастающим интересом. Чтение романов стало новым способом заполнения досуга». При этом переводной роман «не только открывал окно в мир иной культуры, но и выступал в функции учебника поведения, шире – учебника жизни», что осознавалось самими читателями [Сазонова, с. 130]. Так, Н. Карамзин пишет о роли романов в судьбе Леона, героя повести «Рыцарь нашего времени» (1803):

Леону открылся новый свет в романах; он увидел, как в магическом фонаре, множество разнообразных людей на сцене, множество чудных действий, приключений – игру судьбы, дотоле ему совсем не известную... Перед глазами его беспрестанно поднимался новый занавес: ландшафт за ландшафтом, группа за группой являлись взору. Душа Леонова плавала в книжном свете, как Христофор Колумб на Атлантическом море, для открытия... сокрытого [Карамзин, с. 247].

Л. Сазонова справедливо называет переводной роман XVIII в. *ars amandi* – наукой любви для русского читателя, который впервые, как известно, стал открывать для себя и «науку любви», и «лекарство от любви» благодаря роману В. Тредиаковского «Езда в остров Любви» (1730) [Сазонова, с. 127–139]. 27-летний писатель, возвратившись

на родину из-за границы, издал перевод романа П. Тальмана «Путешествие на остров Любви» («Le voyage a l'île d'Amour»), к которому прилагались его собственные стихи на русском, французском и латыни. В. Третьяковский создал и жанровую модель, и своего рода художественную парадигму отечественной истории любви, основные элементы которой можно представить следующим образом:

- в основе романа – сюжет пути (включающий мотив испытания героя) как путешествие героя к самому себе;
- самоценность темы «сладкая любовь», полнота изображения душевной жизни человека в любви;
- особый любовный локус как своего рода иное пространство; любовная топография, карта любви;
- акцентирование хронотопа природы в руссоистском ключе, антитеза города и природы (усады, деревни и т. п.);
- новые языковые стратегии, связанные с поиском «самого простого русского слова» (В. Третьяковский) для изображения любовного чувства;
- трансплантация на русскую почву мифологических и историко-культурных тем, образов, смыслов европейской литературы;
- роман как учебник жизни;
- многообразие форм и способов различения нарративных стратегий автора текста и автора-переводчика [Алпатова, с. 189–207].

«Училище любви», как установлено В. Раком, является переводом повести немецкого писателя И. Г. Б. Пфейля «Торжество добродетельной любви» («Der Triumph der tugendhaften Liebe»), дошедшей до Тобольска благодаря переводу с французского повести Л.-С. Мерсье «Школа любовников» («L'école des amants») [Рак, с. 415–472]³. В этом контексте обращение П. Сумарокова к роману (повести?) Пфейля/Мерсье является свидетельством того, что за два года сибирской ссылки ему не изменило чутье переводчика, редактора, издателя.

«Училище любви» – не первое, но не единственное переводное произведение П. Сумарокова. Так, стихотворение «Плач и смех» (1788) является вольным переводом первых двух строф сатиры Вольтера «Смеющийся и плачущий Жан» («Jean, qui pleure et qui rit»). Сюжет поэмы «Лишенный зрения Купидон» (1791) заимствован из басни Лафонтена «L'amour et la folie» [Поэты 1790–1810-х годов]. В обоих произведениях есть автобиографические мотивы, связанные с условиями жизни П. Сумарокова в Сибири. Свобода обращения

³ Переводы обоих авторов были хорошо известны в России XVIII в. Н. И. Новиков дважды (в 1773 и 1779 г.) издавал роман Пфейля «Положения дикого американца», были известны переводы еще двух его произведений: «Ацем, или Мечтающий о благополучии человек» и «Осман, или Гонимая добродетель» [История русской переводной художественной литературы, т. 1, с. 196–197]. Хорошо были известны в России XVIII в. сочинения Л.-С. Мерсье «Философ, живущий у хлебного рынка» (перевод И. И. Дмитриева), «Картины Парижа» и утопический роман «Год две тысячи четыреста сороковой. Сон, которого, возможно, и не было», считавшиеся образцами сатирических жанров [Там же, с. 239].

с источником характерна для него и в «Училище любви», где автор-переводчик пишет, например, комментируя поступок главной героини Фанни: «Назвав повесть сию Училище любви, я не предпринимаю попытку оправдывать сей, может быть, слишком неосторожный поступок Фанни...» [Училище любви, с. 67].

«Училище любви» и «высокая линия» развития русского романа

В предисловии к «Российской Памеле» П. Львов пишет о своей героине:

Я для того ее назвал Российской Памелою, что есть и у нас столь нежные сердца, высокие души в низком состоянии и благородная чувствительность, есть Памелы, новые Элоизы и им подобные, как в Англии, во Франции, Германии и прочих государствах [Львов, предисл.].

«Российская Памела», по сути, повторяет основные сюжетные мотивы и образы своего английского источника. Главный герой дворянин Виктор («хорош, богат, нежная душа»), который под влиянием своего «губительного друга» Плуталова «совсем переменяется и походил на совершенное исчадие природы», заблудился во время охоты и набрел на «обветшалую хижину» (!), где и встретил Марию, крестьянку, которая «была подобна небесному существу, низшедшему на землю» [Там же, ч. 1, с. 4, 5, 12]. Сюжет основан на бесконечных метаниях Виктора (и Плуталова) между добродетелью и испорченностью, которые, безусловно, завершаются победой добродетели. На этом пути Виктор проходит через испытание многочисленными кознями Плуталова и собственной матери, болезнью «без надежды» на жизнь и на ответное чувство Марии, браком с крестьянкой, разлукой с женой и сыном, разворотом, разорением, раскаянием и возвращением на путь добродетели.

Помимо героев, плутающих между добром и злом (коннотативные смыслы фамилии Плуталов определяют сюжет пути героев), в романе есть персонажи, твердо стоящие на пути добродетели: Мария, Честон, Филилл (он же Филипп), Милон. Их жизнь – деятельная помощь и служение ближнему: герои П. Львова активны и в зле, и в добре. С добродетельными героями в романе связана тема апологии дружбы и чтения. Благодаря им автор имеет возможность заявить: «Россия полна чувствительными сердцами, добродетельными и высокими душами» [Там же, ч. 2, с. 98]. Центральной фигурой в ряду добродетельных героев является отец Марии Филипп, «чувствительный поселянин», мудрец, философ, деревенский Сократ, которому автор доверил следующую сентенцию: «чтение для понятливого есть второе

воспитание» [Львов, ч. 1, с. 13, 21, 30]. Своего рода знаком эпохи Просвещения в романе является, помимо мотива чтения книг, некоторое недоверие героев и автора к чувству любви с его непредсказуемостью и абсолютная апология дружества.

Старайтесь быть более друзьями, нежели любовниками, первые суть тверже, а последние переменчивы... Любовь имеет одно лишь стремление к насыщению, а дружба – к тысяче приятств,

– учит деревенский Сократ Виктора и Марию [Там же, с. 142, 144]. Панегириком дружбе звучат следующие его слова:

Дружество... такое дерево, которое хотя не скоро растет, но чем стареется, тем становится тверже, плодovitее, и тень его для жизни усладительнее и прохладнее. Оно такой цвет, в коем хотя и не блещут розы, но краска не линяет никогда [Там же, с. 143].

В романе Н. Эмина «Игра судьбы» образцами поведения для главного героя Всемила являются Тирсис («Езда в остров Любви») и Сен-Пре («Новая Элоиза»). Действие происходит на фоне «простосердечной сельской природы» и деревенской жизни, противопоставленной жизни городской [Эмин, с. 60]. Мотив любви незаконной, запретной связан не с социальным неравенством героев, а с тем, что «сиятельнаяшшая поселянка» Пленира замужем.

В роли «истинного философа» выступает в романе граф Слабосил, который как настоящий мудрец различает любовь и дружество и предлагает Всемилу жениться на Пленире после его смерти, заявляя ему: «Будь супруг сердца супруги моей, будь друг ее супруга, будь сын Слабосила» [Там же, с. 165, 170]. Вместе с тем в «Игре судьбы», в отличие от «Российской Памелы», акцент сделан не на теме апологии дружества, а, вслед за Руссо, на мотиве непостижимой тайны любви. «Любовь есть жизнь и смерть вселенной. Ненавижу и поклоняюсь скипетру ее», – говорит, например, Пленира [Там же, с. 167]. Не случайно, видимо, вторая часть романа не была написана. Автор, очевидно, не видел возможности разрешить противоречия мучительного благополучия Всемила, Пленеры и Слабосила. Финал «Игры судьбы» драматичен и не предполагает счастливой развязки: «О просвещение! Ты развязало дерзкие руки, но заключило в оковы души и сердца» [Там же, с. 175].

Важно подчеркнуть, что в «Игре судьбы» одна из ключевых тем – тема чтения и, в частности, чтения романов, напрямую связанная с темой Просвещения. «Любовных повестей на святой Руси благодаря просвещению довольно. Можно ими протопить круглый год клуб и театр», – не без иронии заявляет Милена, подруга Пленеры [Там же, с. 57]. Апология чтения в романе («Читаю книги, отверзающие мне познание веры, читаю книги, нужные для домоводства... читаю

часто и романы, плачу и не стыжусь... они пища чувствительности... кто сострадает вымышленным бедствиям, тот первый изливает на скорбь ближнего отрады») вполне органично соединяется с призывом «Брось романы свои в печь» [Там же, с. 4, 31].

Принципиальное отличие повести Карамзина «Евгений и Юлия» (1789) от произведений Эмина и Львова, интертекстуально ориентированных на европейские литературные источники, задано уже в подзаголовке «Русская истинная повесть». Ее действие происходит в деревне, куда из Москвы «удалилась» госпожа Л*; хронотоп природы играет в ней важнейшую роль, тема книг и чтения также подана в традиционном ключе: «Евгений подарил Юлии множество нот, множество французских, итальянских, немецких книг» [Карамзин, с. 17]. На этом сходство «печальной повести» Карамзина с произведениями Львова и Эмина заканчивается. Принципиальное ее отличие от них в том, что в центре «русской истинной повести» – не перипетии любовной истории, а тема любви и смерти, мотивы присутствия в мире «непостижимой тайны», благоговения и христианского смирения перед лицом смерти. «Чувствительные» герои Карамзина в своей истории любви оказываются, с одной стороны, во власти «матери-натуры», а с другой – перед лицом «Всемогущего» и постижением того, что дух и «бесчисленные радости вечности» составляют истинное существо человека [Там же, с. 19, 21]. Тема «А счастье было так возможно, / Так близко!», важнейшая в литературе XIX в., в повести Карамзина получает трансцендентное измерение.

«Училище любви», являясь переводным произведением, тем не менее, представляет собой ту же жанровую модель, что и русские оригинальные романы (повести) 1789 г. Действие в «англинской повести» происходит в ситуации противопоставления городской жизни, где человека захватывает вихрь страстей и искушений, и сельской природы, где торжествуют естественные человеческие «чувствования».

В центре «Училища любви» – история трех героев (Фанни, графа Рочельфильда, лорда Дамби), «трех чувствительных сердец» [Училище любви, с. 22]. Сюжет пути графа Рочельфильда (как и отца Фанни) – сюжет испытаний человека, плутающего между добродетелью и заблуждениями, между «любовью беззаконной» и той, которой «покровительствует небо». История графа – история о том, что «сердце человеческое подвержено непостоянству» [Там же, с. 38].

Фанни и лорд Дамби – герои, чья добродетель безупречна, жизнь – благородное служение ближним во имя их спасения. Кроме того, это «философствующие» герои, знающие «истину» и подтверждающие ее реальность на протяжении всей истории. Важной особенностью «Училища любви» является то, что роль мудреца-философа, важнейшая в жанровой модели, здесь принадлежит повествователю (автору-переводчику?): он дает главные комментарии поступкам героев и выносит окончательные суждения. Так, история лорда Дамби, жерт-

вующего своим чувством к Фанни, семейным счастьем и благополучием во имя дружеских чувств к графу Рочельфильду, комментируется следующим образом: «сия блистательная жертва, сия высокая добродетель» [Училище любви, с. 140].

В речи повествователя – важнейшие для «Училища любви» сентенции о «молчании как выразительнейшем языке души», о спокойствии и тишине душевной как абсолютных ценностях жизни. В его речи звучат главные вопросы «англинской повести»:

Но что есть сердце человеческое? Каким именем назвать мечту человеческого блаженства? Кто может истолковать сие непостоянство, часть и удел нашей слабости?

Повествователь формулирует главные итоги повести: «...постоянство торжествует над сердцем заблуждающимся! Оно возвращает его на прямой путь...» Благодаря комментариям повествователя произведение насыщается нравственно-философской проблематикой, в нем последовательно выстраивается ценностная вертикаль, связанная с представлением о том, что небо покровительствует добродетели и защищает ее [Там же, с. 29, 58, 92, 128, 142].

В «Училище любви», в отличие от произведений Эмина, Львова и Карамзина, отсутствует тема книги и чтения. Однако факт этот компенсируется творческим поведением и издательской стратегией П. Сумарокова, выступающего не только в роли переводчика, но и, в содружестве с В. Корнильевым, редактора и создателя первых сибирских печатных книг и журналов⁴.

С ближайшим контекстом «в границах высокой линии развития русского романа XVIII в.» (произведения Н. Эмина, П. Львова, Н. Карамзина 1789 г.) «Училище любви» объединяют тематика и поэтика (композиция сюжета, типология героев, художественное пространство), а также жанровая конструкция и повествовательные стратегии. В сущности, «Училище любви», «Игра судьбы», «Российская Памела», «Евгений и Юлия» – версии единой инвариантной истории любви. В диапазоне различий – разные типы отношений русских текстов с европейскими источниками: от вольного перевода, интертекстуального переосмысления до творческой полемики и отталкивания.

В «Училище любви» как «англинской повести», действие в которой происходит в Англии, Франции и Испании, возникает условный этически окрашенный образ Европы. Каждая из трех европейских стран предстает как условное, но, тем не менее, своеобразное культурное и, что особенно важно, этическое пространство, некий культурно-этический код. Так, главная отрицательная героиня повести

⁴ В. Я. Корнильев (1707–1795) создал первую в Сибири частную типографию, печатавшую художественную и научную литературу, журналы, в том числе первый сибирский журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» (1789–1791). Его правником был Д. И. Менделеев, праправнучкой – Любовь Менделеева (жена А. Блока).

Леди Сориленд едва ли не большую часть жизни проводит во Франции, «роскошной стране, где порок столь спокойно торжествует» [Там же, с. 40]. Испания изображена как страна, где царит добродетель, а вместе с ней мудрость, покой и мир: именно сюда бежит Джемс Дорлингтон от междоусобной войны в родной ему Англии, представляющей в повести как арена борьбы двух систем ценностей. Очевидно, что в основе этой условной географии – те же этические принципы, в соответствии с которыми герои «Училища любви» делятся на положительные, отрицательных и соединяющих в себе то и другое.

Важным представляется тот факт, что в художественном пространстве «англинской повести» в равной степени значимы европейская, русская культурные традиции и реалии сибирской жизни П. Сумарокова. Заглавие «англинской повести», например, отсылает не только к традиции европейской литературы, восходящей к «Науке любви» («*Ars amatoria*») Овидия, но и к реальному историческому факту – открытию в Тобольске в марте 1789 г. Главного народного училища, с преподавателями которого П. Сумароков сотрудничал в процессе работы над «Иртышом, превращающимся в Ипокрену». Не менее значим для понимания заглавия и биографический контекст – история женитьбы П. Сумарокова на С. Казабе.

Сюжет главного отрицательного героя «Училища любви» графа Рочельфильда также может быть интерпретирован благодаря двум контекстам: во-первых, сюжету Цирцеи и Улисса, во-вторых – биографическому контексту, связанному с судьбой П. Сумарокова, оказавшегося в Тобольске после истории с подделкой ассигнаций и на собственном опыте испытавшего, что такое отказ от «добродетели» и каково возвращение к ней.

Леди Сориленд названа в повести «новой Цирцеей» [Там же, с. 41]. Как и гомеровская Цирцея, леди Сориленд – воплощение коварства и ревности, ее чары – чары злой волшебницы. Сюжет «граф – леди Сориленд», таким образом, существует в контексте сюжета Цирцеи и Одиссея, проведенного год в ее счастливом плену. В повести сказано: «Граф попал в сети одной прелестницы» [Там же, с. 35]. С этой точки зрения история Графа с его «слабостями», как и история П. Сумарокова, это история освобождения из плена, внутреннего и внешнего.

Заглавие журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» как формула его концепции представляет собой пространство встречи европейской и отечественной культурных традиций: античные мифы о превращениях (только в «Метаморфозах» Овидия их более 200) и источнике вдохновения были для ссыльного поэта П. Сумарокова способом освоения новой для него сибирской жизни и вместе с тем этапом в создании авторского мифа о Сибирской Иппокрене как особой разновидности библиофильского культурного мифа [Дворцова, с. 121–189]. «Училище любви» также является отражением этого процесса. Очевидная заслуга П. Сумарокова не только в том, что на пути к Сибирской Иппокрене тобольские книжники XVIII в.

должны были пройти через опыт обучения в «Училище любви», но и в том, что благодаря ему Сибирская Иппокрена вот уже более 225 лет служит «торжеству добродетели, любви и дружбы».

Список литературы

- Алпатова Т. А.* Утопия «острова любви» в историко-культурной перспективе (к анализу романа П. Таллемана – В. Трелиакковского «Езда в остров любви») // XVII век: между трагедией и утопией : сб. науч. тр. Вып. 1. М. : МГОУ им. М. А. Шолохова, 2004. С. 189–207.
- Дворцова Н. П.* Сибирская Иппокрена в век Просвещения // Русская книжная традиция в Сибири: «тобольские инкунабулы». Екатеринбург : Баско, 2014. С. 121–188.
- Дмитриев-Мамонов А. И.* Начало печати в Сибири. СПб. : Тов-во худож. печати, 1900. 72 с.
- История книги / под ред. А. А. Говорова, Т. Г. Куприяновой. М. : Светотон, 2001. 400 с.
- История литературы Урала : Конец XIV – XVIII в. М. : Языки славян. культуры, 2012. 608 с.
- История русской переводной художественной литературы : Древняя Русь. XVIII век : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. 316 с.
- Карамзин Н. М.* Бедная Лиза : повести. СПб. : Лениздат, 2012. 288 с.
- Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма : (Эстетические и художественные искания). СПб. : Наука, 1994. 282 с.
- Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII веков : Эпохи и стили. Л. : Наука, 1973. 254 с.
- Лотман Ю. М.* «Езда в остров любви» Трелиакковского и функция переводной литературы в русской культуре первой половины XVIII века // Лотман Ю. М. О русской литературе : Статьи и исследования: 1958–1993. СПб. : Искусство – СПб., 1997. С. 168–175.
- Львов П.* Российская Памела, или История Марии, добродетельной Поселянки : в 2 ч. СПб. : Императ. тип., 1789. Ч. 1. 156 с. Ч. 2. 142 с.
- Мамеев С. Н.* Тобольские фабриканты Корнильевы // Русская книжная традиция в Сибири: «тобольские инкунабулы». Екатеринбург : Баско, 2014. С. 7–20.
- Немировский Е. Л.* Большая книга о книге. М. : Время, 2010. 1088 с.
- Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2000. Т. 1. 316 с.
- Павлов В. А.* Повесть о Панкратии Сумарокове // Урал. 2004. № 4–5. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2004/7/pav11.html> (дата обращения: 15.01.2016).
- Поэты 1790–1810-х годов. Л. : Совет. писатель, 1971. 911 с.
- Приказчикова Е. Е.* Культурный миф о романе-развратителе и способы его преодоления в русской литературе эпохи Просвещения // Филологические науки. 2009. № 4. С. 74–86.
- Разумовская М. В.* Становление нового романа во Франции и запрет на роман 1730-х годов. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1981. 140 с.
- Рак В. Д.* Русские переводы из «Опыта нравоучительных повестей» Пфейля // Рак В. Д. Статьи о литературе XVIII века. СПб. : Пушк. Дом, 2008. С. 415–472.
- Сазонова Л. И.* Переводной роман в России XVIII века как *ars amandi* // XVIII век. Сб. 21. СПб. : Наука, 1999. С. 127–139.
- Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. : 1725–1800 : в 6 т. М. : Книга, 1975. Т. 6. 192 с.
- Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги : 1790–1917 гг. : в 3 т. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2004. Т. 1. 507 с.
- Топоров В. Н.* «Бедная Лиза» Карамзина : Опыт прочтения. М. : Изд. центр РГГУ, 1995. 512 с.
- Училище любви : английская повесть. Тобольск : Тип. В. Корнильева, 1791. 142 с.
- Эмин Н.* Игра судьбы. СПб. : Императ. тип., 1789. 176 с.

References

- Alpatova, T. A. (2004). Utopiya “ostrova lyubvi” v istoriko-kulturnoy perspective (k analizu romana P. Tallemanta – V. Trediakovskogo “Ezda v ostrov lyubvi”) [Utopia *The Islands of Love* in the Historical and Cultural Perspective (to the Analysis of the Novel by P. Tallemant – V. Trediakovskiy *Traveling to Love Island*)]. In *XVII vek: mezhdru tragediey i utopiey*. Moscow, Collection of sc. art. Iss. 1. Moscow, MSRU, pp. 189–207.
- Dvortsova, N. P. (2014). Sibirskaya Ippokrena v vek prosveshcheniya [Siberian Ippokrena in the Age of Enlightenment]. In *Russkaya knizhnaya traditsiya v Sibiri: “tobolskiye inkunabuly”*. Yekaterinburg, Basko, pp. 121–188.
- Dmitriev-Mamonov, A. I. (1900). *Nachalo pechati v Sibiri* [The Beginning of Printing in Siberia]. 72 p. St Petersburg, Tovarishchestvo khudozhestvennoy pechati.
- Emin, N. (1789). *Igra Sud’by* [The Game of Fate]. 176 p. St Petersburg, Imperatorskaya Tipografiya.
- Govorova, A. A. Kupriyanova, T. G. (Eds.) *Istoriya knigi* [The History of the Book]. (2001). 400 p. Moscow, Svetoton.
- Istoriya literatury Urala. Konets XIV–XVIII v.* [The History of Ural Literature. The Late 14th – 18th Centuries]. (2012). 608 p. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury.
- Istoriya russkoy perevodnoy khudozhestvennoy literatury. Drevnyaya Rus’. XVIII vek, v 2 t.* [The History of Russian Translated Fiction. Ancient Russia. 18th Century, 2 Vols.]. (1995). Vol. 1. 316 p. St Petersburg, Dmitriy Bulanin.
- Karamzin, N. M. (2012). *Bednaya Liza. Povesti* [Poor Liza. Stories]. 288 p. St Petersburg, Lenizdat.
- Kochetkova, N. D. (1994). Literatura russkogo sentimentalizma (Esteticheskie i khudozhestvennye iskaniiya) [The Literature of the Russian Sentimentalism (Aesthetic and Artistic Pursuit)]. 282 p. St Petersburg, Nauka.
- Likhachev, D. S. (1973). *Razvitiye russkoy literatury X–XVII vekov: Epokhi I stili* [The Development of the Russian Literature in the 10th – 17th Centuries: Epochs and Styles]. 254 p. Leningrad, Nauka.
- Lotman, Yu. M. (1997). “Ezda v ostrov Lyubvi” Trediakovskogo i funktsiya perevodnoy literatury v russkoy kulture pervoy poloviny XVII veka [Traveling to the Island of Love by Trediakovskiy and the Function of Translated Literature in the Russian Culture of the First Half of the 17th Century]. In Lotman, Yu. M. *O russkoy literature. Statii i issledovaniya: 1958–1993*. St Petersburg, Iskusstvo-SPB, pp. 168–175.
- Lvov, P. (1789). *Rossiyskaya Pamela, ili Istoriya Marii, dobrodetelnoy poselyanki* [The Russian Pamela or the Story of Maria, a Virtuous Countrywoman]. Vol. 1, 156 p.; Vol. 2, 142 p. St Petersburg, Imperatorskaya Tipografiya.
- Mameev, S. N. (2014). *Tobolskiye fabrikanty Kornilieviy* [Tobolsk Factory Owners Kornilyev]. In *Russkaya knizhnaya traditsiya v Sibiri: “tobolskiye inkunabuly”*. Yekaterinburg, Basko, pp. 7–20.
- Nemirovskiy, E. L. (2010). *Bolshaya kniga o knige* [The Big Book about a Book]. 1088 p. Moscow, Vremya.
- Ocherki istorii knizhnoy kultury Sibiri i Dalnego Vostoka* [Essays on the History of Book Culture in Siberia and Far East]. (2000) Vol. 1, 316 p. Novosibirsk, GPNTB SO RAN.
- Pavlov, V. A. (2004). *Povest’ o Pankratii Sumarokove* [A Story about Pankraty Sumarokov]. In *Ural*, Iss. 5. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2004/7/pav11.html> (mode of access: 15.01.2016).
- Poety 1790–1810-kh godov* [Poets of 1790–1810s]. (1971). 911 p. Leningrad, Sovetskiy pisatel.
- Prikazchikova, E. E. (2009). Kulturnyi mif o romane-razvratitele I sposoby ego preodoleniya v russkoy literature epokhi Prosveshcheniya [The Cultural Myth about the Corrupting Novel and Ways of to Overcome it in the Russian Literature of the Enlightenment]. In *Filologicheskie nauki*. Iss. 4, pp. 74–86.
- Razumovskaya, M. V. (1981). *Stanovlenie novogo romana vo Frantsii I zapret na roman 1730-kh godov* [The Formation of a New Novel in France and the Ban on the Novel of the 1730s]. 140 p. Leningrad, Izdatelstvo leningradskogo universiteta.
- Rak, V. D. (2008). Russkie perevody iz opyta nravouchitel’nykh povestei Pfeilya [Russian translations of Pfeil’s “Versuch in moralistischen Erzählungen”]. In *Statii o literature XVIII veka*. St Petersburg, Pushkinskiy Dom, pp. 415–472.

Sazonova, L. I. (1999). *Perevodnoy roman v Rossii XVIII veka kak ars amandi* [The Translated Novel in 18th Century Russia as *Ars Amandi*]. In *XVIII vek*. St Petersburg, Nauka. Col. 21, pp. 127–139.

Svodnyi catalog russkoy knigi grazhdanskoy pečati XVIII v. 1725–1800 v 6 t. [The Central Catalogue of Russian Secular Books of the 18th c. 1725–1800, 6 Vols.]. (1975). Vol. 6, 192 p. Moscow, Kniga.

Svodnyi catalog sibirskoy i dalnevostochnoy knigi. 1790–1917 v 3 t. [The Central Catalog of Siberian and Far Eastern Books 1790–1917, 3 Vols.]. (2004). Vol. 1, 507 p. Novosibirsk, GPNTB SO RAN.

Toporov, V. N. (1995). *“Bednya Liza” Karamzina. Opyt prochteniya* [Karamzin’s *Poor Liza*. A Reading Experience]. 512 p. Moscow, Publ. Center RGGU.

Uchilishche Lyubvi. Anglinskaya povest [School of Love. An English Novel]. (1791). 142 p. Tobolsk, V. Korniliev’s Tipografiya.

The article was submitted on 26.02.2017